

Памяти моей любимой тети Меме

Легенда всегда берет верх над историей.

Сара Бернар

АКТ I
1853–1859 ГОДЫ
НЕЖЕЛАННОЕ ДИТЯ

...Почти всегда в маленькой девочке
видна будущая женщина и опасность,
которую она несет.

Александр Дюма

Если великий талант может вырасти из невзгод, то мой, похоже, отлит в котле моего детства.

Мне было восемь. В окружающем мире преобладали зеленая и серая краски: зеленые, трепещущие на ветру перелески и серые груды древних камней, овеваемых порывами ветра, гонимого с моря на поля Бретани. Главными звуками были бречание овечьих колокольчиков да хлопотанье несущек в курятниках у дома, где я жила, — небольшого коттеджа с соломенной крышей и увитой виноградными лозами террасой. Сельская жизнь, размеченная восходами и закатами; рутинная работа поселян от утренних сумерек до вечерних; влажная марля, которой накрывали свежий овечий сыр, чтобы не сох; тепло вынутого из печи хлеба с хрустящей корочкой и резкий запах дикого лука, смятого моими босыми ступнями.

Так было до того дня, когда вернулась моя мать.

— Сара? Сара, где ты?

Этот вечно недовольный голос донесся до меня через весь огород. Я сидела на суку старой смоковницы среди пустых беличьих дупел. На травке внизу нежился мой пес Питу, высунув язык и часто дыша от летней жары. Женщина, похоже, не замечала его, хотя каждый, кто меня знал, мог определить мое местонахождение по наличию собаки, ведь Питу был моей верной тенью.

Приглядевшись, я увидела на террасе ее силуэт, напоминавший фигурки на дальнем плане картины, — рука в белой перчатке приставлена к бровям. Вновь позвавший меня голос был пронизан нетерпением:

— Сара, где ты прячешься? Я не собираюсь тратить целый день на поиски. Выходи сейчас же!

Я знала, кто она, хотя прошло уже столько времени, что могла бы и забыть. Когда я увидела, как к дому подкатил знакомый экипаж, меня пробила злая дрожь, и я кинулась через задние двери к этому дереву, моему тайному убежищу. Последний раз она приезжала года три назад. Как и сейчас, явилась без предупреждения, привезла шоколадные конфеты и всякие безделушки. Маленькая пухленькая незнакомка с прозрачными голубыми глазами, в пышной юбке с оборками и украшенной шелковыми цветами шляпе, которая из-за огромных полей напоминала блюдо. В тот раз она успела лишь понюхать воздух и отдать распоряжения, после чего сразу исчезла — вернулась туда, откуда приехала. Вид ее спустя столько лет возбудил во мне не одну лишь злость. Да, я не хотела признавать эту женщину, но она вернулась, и мое сердце болезненно сжималось. Все-таки она не забыла меня.

Питу вяло поднялся и вильнул хвостом. Мое имя, произнесенное раздраженным голосом, встревожило его. Боясь, что пес меня выдаст, я жестом приказала ему сесть. Питу уныло опустился на задние лапы, а я снова посмотрела в сторону дома.

Из пристроенной к нему кухни, вытирая о передник испачканные мукой руки, вышла няня Юбер. Я увидела, как моя мать в нетерпении обернулась к ней. Няня указала прямо на мое дерево и хрипло прокричала по-бретонски:

— Ромашка! Иди скорее, поздоровайся с мамой.

Очень сердитая, я начала сползать с ветки и зацепилась подолом платья за сучок. Ткань затрещала. Думая о том, что теперь няне придется заняться починкой и она,

как всегда, будет ругать меня, повторяя набившую оскомину присказку, мол, платья не растут на деревьях вместо листьев, я спрыгнула на землю и, совершенно несчастная, потопала к террасе. Питу вился у моих ног.

Пока я приближалась, мать придирчиво изучала меня.

Няня хмурилась. Она не была злой, даже любила меня, как могла и когда у нее хватало на это времени. Только вот времени катастрофически не хватало. Ее муж умер, и ей приходилось одной следить за мной, козами, курами и огородом. Сегодня утром она дала мне голубую ленту для волос. «Голубой так идет к твоей белой коже и рыжим кудряшкам», — сказала няня, сопроводив свои слова улыбкой, а это случалось нечасто. Я запоздало принялась искать ленту и обнаружила, что она кое-как болтается в растрепавшейся косе. По крайней мере, я не оставила ее на дереве вместе с башмаками.

Встретившись с оценивающим взглядом матери, я почувствовала себя грязной, как подошвы моих ступней. Она же была... чиста. Безупречна. Как статуя Мадонны в городской церкви, с той же мраморной бледностью. Не хватало только полупрозрачной слезы на щеке, похожей на каплю застывшей смолы.

— Ну! — воскликнула няня. — Что мы скажем мадемуазель Бернар?

— Добрый день, мадемуазель, — буркнула я.

Мать улыбнулась. Или мне показалось? Трудно было определить. Ее розовые губы, похожие на бутон розы, вздрогнули, но зубы между ними не блеснули. И все же я была уверена, что они так же совершенны, как и вся эта дама. Не то что няня Юбер. Та вечно жаловалась на свои гнилые коренные, говорила, что ей кусок хлеба откусить и то больно.

— Девочка меня не узнает. — По гладкому лбу матери пошли волны. — И какая худая. Ей нездоровилось?

— За всю жизнь она и дня не проболела, — фыркнула няня. — Мадемуазель Бернар, я была ее кормилицей

и могу сказать, что девочка сосала грудь, будто голодный зверек. Я делала то, что вы просили. Она худенькая, да, но ест больше мула.

— И очевидно, моется так же часто, — проворчала моя мать.

Няня пожала плечами:

— Дети быстро пачкаются. Зачем тратить воду? Она купается раз в неделю.

— Я вижу. — Мать смотрела на меня как будто в нерешительности. — Она хотя бы немного говорит по-французски?

— Когда ей взбредет это в голову. У нас тут, как вы понимаете, нечасто можно найти ему применение. Коровам все равно, как их доят — по-французски или по-бретонски. — Состроив гримасу, няня обратилась ко мне: — Скажи своей маме что-нибудь по-французски.

Я ничего не хотела говорить незнакомке ни на французском, ни на любом другом языке. Почему я должна исполнять капризы этой женщины, когда меньше чем через час она отправится восвояси? Однако няня сурово сдвинула брови, и я вдруг забормотала:

— Pitou est ma chien¹.

— Видите? — Няня уперла кулаки в свои широкие бедра. — Она не глупа. Просто упряма. Таким девочкам нужна твердая рука.

Няня устало потащила обратно в дом, а моя мать сказала:

— Правильно говорить «мой пес». — Она вздохнула. — Вероятно, время пока не подходящее. Я сейчас так занята... Могу предложить вам больше, чтобы вы поддержали ее у себя еще год...

Няня замерла на месте, оглянувшись с хорошо знакомой мне решимостью:

— А для меня время как раз что надо. Я старею. Буду продавать дом и перееду в город к сыну. Вы заберете

---

¹ Питю — моя пес (фр.). — Здесь и далее примеч. перев.

девочку сегодня, как мы и договаривались. Сумка уже собрана.

Я стояла, не шевелясь и держа руку на рваных ушах Пити, слушала слова няни Юбер и не могла поверить. После стольких лет моя мать явилась, чтобы забрать меня?! Не успев подумать хорошенько, я выпалила:

— Но я не могу уехать! А что будет с Пити?

Собака заскулила. Мать взглянула на меня своими голубыми глазами:

— Твой Пити? Не думаешь ли ты, что я возьму в Париж и твою шавку?

В Париж?

Сердце у меня застучало.

— Но я... я не могу оставить его!

Мой лепет мать не услышала, она уже снова повернулась к няне.

На лице моей кормилицы отобразилось болезненное напряжение, пока она внимала приглушенному голосу матери. Потом няня покачала головой, и я разобрала ее слова:

— Нет. Это невозможно. В доме моего сына нет места для нее. Или вы заберете девочку с собой сегодня, или она отправится в приют. Я больше за нее не в ответе.

Глаза мои вдруг защипало от слез. По горлу стремительно поднимался плач, но тут няня посмотрела на меня и тихо сказала:

— Ромашка, ты должна поехать со своей маман. Я позабочусь, чтобы Пити нашел себе новый дом, не беспокойся. А теперь умойся и возьми свою сумку. Мадемуазель Бернар ждет, а путь до Парижа неблизкий.

Я не могла сдвинуться с места. Мой дом был здесь — вот этот коттедж, пропахший чесночной похлебкой, с узкими темными комнатами, моей няней и моим Пити. Зачем мне ехать в Париж и жить там с этой расфуфыренной чужой женщиной, которую я совсем не знала?

— Нет! — заявила я и, когда няня потемнела лицом, добавила: — Я не поеду.

Кормилица угрожающе протянула вперед руку:

— Мне принести прут?

Тонкая ветка боярышника, от которой вспухала кожа на ягодицах, была одной из темных вещей, вселявших в меня страх. Няня использовала ее всего раз, когда я, замечтавшись, протопала вместе с Питу по ее грядке с кориандром. После знакомства с этой розгой я не могла сидеть целую неделю.

— Иди сейчас же! — приказала няня. — Умойся и возьми свои вещи.

Мать отступила в сторону, когда я штормовым ветром пронеслась мимо нее в дом вместе с Питу. В своей маленькой комнате с узкой постелью и покосившимся столиком я нашла полотняную сумку, куда были уложены мой небогатый гардероб и тряпичная кукла, давно уже мной заброшенная. Мое единственное красивое платье няня оставила на кровати. Я надевала его только по воскресеньям, когда мы ходили на мессу в город. Сейчас, глядя на него, я замерла. Не поеду! Как же я оставлю моего Питу! Я сбегу, возьму его и эту сумку...

Резкий свист няни с террасы заставил пса кинуться к ней. Я вскрикнула и бросилась за ним, но в дверях мне преградила путь мать.

— Не забудь умыться, — сказала она. — Я здесь больше ни на минуту не останусь.

— Мама, прошу вас. — Я боролась с приступом паники. — Питу. Я не могу бросить его здесь, если няня продает дом и...

Мать подняла руку, заставляя меня умолкнуть:

— Делай, что тебе велено.

Питу отчаянно залаял, как только я влезла в экипаж. Отодвинув занавеску на окошке в дверце, я уставилась на дом, ошеломленная наплывом чувств. Няня Юбер стояла на пороге и держала мою собаку за шкуру. Пес пытался вырваться, чтобы последовать за мной. У меня

брызнули слезы. Экипаж двинулся; резкий щелчок хлыста возницы над спинами лошадей прострелил мне уши.

Через несколько минут коттедж остался позади, и экипаж тряско покатился по грунтовой дороге. Мать сидела напротив и молчала. Она не произносила ни слова так долго, что слезы высохли у меня на щеках. Чем дольше она молчала, тем сильнее я съживалась под ее неодобрительным взглядом. Наконец мать заговорила:

— Я не привыкла, чтобы под ногами болтался ребенок. Я очень занятая женщина, и у меня нет ни времени, ни терпения на всякие выходки. Ты должна уважать мои дела. Понятно? Всегда. Если не будешь слушаться, я найду, куда тебя пристроить.

— Да, мама, — прошептала я.

В горле стоял ком. Я была слишком напугана, чтобы проявлять непослушание. Упоминание о приюте уже прозвучало. Я не сомневалась, что эта женщина вполне способна меня туда отправить.

— И не называй меня мама на людях, — добавила она, брезгливо отряхивая платье рукой в перчатке. — Друзья зовут меня Жюли. Можешь обращаться ко мне по имени или мадемуазель Жюли, если тебе так больше нравится.

— Да, мадемуазель Жюли.

Она одарила меня ледяной улыбкой, вновь окинув с головы до ног колким взглядом. Я с трудом влезла в свою единственную пару приличных туфель, маленькую пелерину и капор. Все эти вещи мать привезла в прошлый раз, и теперь они явно были мне маловаты. Туфли давили на пальцы. Я подергивала ступнями — так хотелось скинуть обувь — и размышляла, нельзя ли как-нибудь выскочить из экипажа и вернуться в коттедж. Однако, даже представляя себе изумление матери, я понимала, что она поймает меня и станет только хуже.

— Перестань ёрзать! — Достав из сумки веер, Жюли принялась обмахиваться. — Просто не верится, неужели

эта крестьянка ничему тебя не научила? У тебя манеры дикарки. — Она немного помолчала. — Полагаю, ни читать, ни писать ты не умеешь?

— Нет, мадемуазель Жюли. — Я была крайне несчастна.

Эта женщина не только увезла меня из дома и вынудила бросить собаку, она к тому же не испытывала ко мне ни капли симпатии. Ее желание иметь меня рядом с собой не превышало моего желания жить с ней.

— Тогда, полагаю, придется нам заняться еще и этим. — Она вздохнула, а затем, глядя в окно, задумчиво произнесла, будто рассуждала сама с собой: — Безграмотная. Лишенная каких-либо навыков общения, которые сделали бы ее привлекательной. Смею сказать, никто не поверит, что это моя дочь.

Через три дня мы прибыли в Париж. Всю дорогу, как только мать отворачивалась, я плакала, уткнувшись носом в рукав. И когда добрались до города, слез уже не осталось, а я была уверена, что счастья мне больше не видеть.

Париж ошеломил — столько шума от грохочущих экипажей и кричащих людей. В то же время город показался мне бесцветным — сплошная серость, бесчинство дымного неба и вымощенных камнем улиц. Он пах сырым бельем и навозом и походил на старого дракона, по длинным когтям которого лениво течет река. Вспомнив зеленые леса и поля Бретани, где у меня были укромные уголки, я едва вновь не расплакалась. Увижу ли я когда-нибудь еще свое любимое дерево?

Экипаж остановился, и Жюли объявила:

— Это улица Прованс.

Как будто название улицы что-то для меня значило! Все тело ныло от долгих часов сидения в экипаже, и я была голодна как волк, потому что в последние дни ела гораздо меньше, чем раньше. Покинув карету, мы оказались

перед покрытым копотью, высоким и узким зданием, неотличимым от соседних.

Потом из дверей выпорхнула миловидная молодая женщина, поразительно похожая на Жюли:

— Сара, деточка моя!

Незнакомка поцеловала меня в щеки, от нее сильно пахло розовым маслом, так что я даже закашлялась. У нее были яркие глаза, чуть более темные, чем голубые глаза Жюли, и скрученные в узел на затылке золотисторыжие волосы. Как у меня. Наверное, это какая-то родственница, решила я, а женщина тихо пробормотала:

— О моя девочка. Ты, похоже, не помнишь меня?

За нашими спинами Жюли отдавала приказания вознице, чтобы тот выгружал багаж. Забирать меня она приехала с двумя среднего размера сундуками. И зачем ей столько вещей?

— Розина, не будь дурой, — бросила через плечо Жюли. — Она была младенцем, когда в последний раз видела тебя.

— Да, конечно. Сара, моя дорогая, я тетя Розина. Твоя мама — моя старшая сестра. — Она улыбнулась, взяла мою руку в теплую ладонь и повела в дом, а я закусила губу, чтобы подавить новый приступ слез; хорошего отношения к себе я ни от кого не ждала. — Добро пожаловать в Париж! — провозгласила Розина, и я прильнула к ней.

Может быть, жить здесь окажется не так уж плохо.

ГЛАВА 2

Весь следующий год был посвящен учебе. Розина взялась за меня. Благодаря ей я узнала о своем происхождении.

Моя мать и ее две сестры родились в Нидерландах в еврейской семье, но покинули эту страну, как только достигли подходящего возраста. Старшая из трех девушек, Генриетта, вышла замуж за торговца тканями из Арьежа и обзавелась собственной семьей, а Розина и моя мать некоторое время путешествовали, пока не осели в Париже. Чем они занимались, чтобы заработать на жизнь, осталось для меня загадкой, как и вопрос о нашем духовном наследии. Жюли не следовала никаким предписаниям веры; при входе в дом не висела мезуза, в квартире не было ни одной вещи, напоминавшей о соблюдении ритуалов иудаизма. Так как няня растила меня католичкой, я пришла к выводу, что религиозная принадлежность моей матери не имеет особого значения.

Вскоре Розина взялась за мое образование. Я научилась произносить по буквам свое имя, повторяла алфавит, писала буквы, пока у меня не сводило пальцы и строчки не начинали расплываться перед глазами. Я жаждала знаний, с жадностью поглощала их. Слова меня завораживали. А еще они давали доступ в новый мир, где истории о Царевне Лебеди и Принце-Лягушке, о живущих в пещерах ведьмах и летающих каретах, сделанных из тыквы,

облегчали заведенный Жюли строгий порядок, который должны были соблюдать все обитатели квартиры.

День, когда все в моей жизни изменилось, начался как обычно.

Вечер накануне прошел скучно. Жюли развлекала разномастных приятелей в своем салоне, пока не разошлись все мужчины, кроме одного. С момента приезда сюда я успела привыкнуть к тому, что в нашу квартиру постоянно ходят разные странные господа. Все друзья Жюли были мужчинами. Это стало для меня еще одной загадкой. Иногда мать поручала мне обслуживать этих поклонников, как она их называла. По ее приказу я выходила в определенное время с подносом канапе, с заплетенными в косу непослушными огненно-рыжими волосами и с заискивающей улыбкой на губах. Мужчины окидывали меня беглым взглядом, после чего игнорировали; то и дело кто-нибудь из них похлопывал меня по заду и говорил: «Какая худая девочка. Жюли, ты что, не кормишь ее?» На что моя мать отвечала высоким заливистым смехом и добавляла: «Она ест сколько хочет, но не набирает ни унции. К тому же росла в Бретани, весь этот свежий сельский воздух... а вы что, думали, моя дочь будет толстой, как куропатка, вроде меня?»

Несмотря на смешки мужчин, я улавливала недовольные нотки в ее голосе. Жюли определенно не нравилось, что я худая как щепка, мои ключицы так выпирали, что во впадинах могла собраться вода после дождя. Однажды она в раздражении так и сказала, я сама слышала. Тем не менее мать никогда не упускала случая попрекнуть, если я осмеливалась попросить добавки за обедом или за ужином, замечая: мол, я так и не поняла, что еда не выскакивает сама собой из земли и не падает готовой с деревьев.

Поклонники всегда находили Жюли остроумной. Это весьма меня озадачивало. Как они не видят, что она просто притворяется? После обеда, перед тем как соберутся

в салоне гости, мать часами торчала перед зеркалом. Горничная всегда помогала ей надеть дорогое платье, будто у нее самой не хватало на это сил. Однако злые упреки, если корсет не был затянут достаточно туго или горничная принесла не тот браслет, показывали, что эта женщина вовсе не так беспомощна, как изображает, и каждый ее шаг продуман до мелочей.

Как только появлялись поклонники, Жюли натягивала слащавую улыбку и старалась уловить малейшее их желание. Подавая канapé, я чувствовала, как буравит спину ее недовольный взгляд. Стоило кому-нибудь из гостей проявить ко мне хоть какой-то интерес, и она тут же отправляла меня с глаз долой, в мою комнату, где я засыпала под ее смех и мужской говор.

Спала Жюли всегда до полудня. Розина кормила меня завтраком, занималась со мной и отправляла гулять во двор, чтобы я не беспокоила мать.

— Сон твоей мамá очень важен, — растолковывала Розина. — Ей нужно много отдыхать.

Вот еще одна загадка: мне-то казалось, что она только этим и занимается — сидит с томным видом в спальне или в салоне. Вспышки активности случались у матери лишь тогда, когда она прищипливала к волосам шляпку, чтобы идти за покупками, или вешала на себя украшения перед отъездом на вечер в Оперу.

В то утро я проснулась раньше Розины. Квартира была небольшой, и мы с тетужкой делили комнату. Моя тетья спала крепко, утомленная дневными заботами о хозяйстве. Сквозь приоткрытую дверь я следила, как пожилой джентльмен на цыпочках выходит из спальни Жюли. Он был лыс, но имел очень длинные усы, которые прикрывали его рот, одет в серый фрак с атласными лацканами, на голове — черный цилиндр, в руках — тросточка с серебряным набалдашником, этакий щеголеватый дедушка.

Я не придавала особого значения его тайному уходу. Этого мужчину я видала и раньше. Он посещал салон

Жюли с тех пор, как я приехала в Париж. Видимо, ему отдавалось особое предпочтение, потому что он часто оставался почевать. Меня этот господин практически не удостаивал вниманием, разве что иногда скользнет по мне взглядом. А сейчас, остановившись надеть пальто, он ненароком поднял глаза и увидел меня, глядящую на него. Я еще была не одета. Стояла в дверях в ночной рубашке, с распушенной косой — волосы в курчавом беспорядке рассыпались по плечам. Тетя напрасно пыталась приручить их с помощью горячих утюгов и спрыскивания настоем бузины.

В светло-карих глазах мужчины блеснул какой-то странный огонек. Он поманил меня пальцем. Я почувствовала, как щеки заливают жаром, когда он прошептал:

— Иди сюда, *ma petite*¹. Дай-ка я взгляну на тебя.

Почему все эти мужчины наполняют наш дом почти каждый вечер, за исключением воскресного, я не знала. Розина вбила мне в голову, что я не должна задавать по этому поводу никаких вопросов. Никогда. Они близкие друзья моей мамы, и я обязана выказывать к ним уважение.

— Детей должно быть видно, но не слышно, — настаивала меня тетка. — Сара, ты поняла? Жюли не хочет, чтобы ее поклонников отвлекали всякими глупостями.

Обычно я изо всех сил старалась выполнять предписания, однако я даже имени этого господина не знала. Пока я металась в сомнениях, боясь последствий отказа выполнить, по всей видимости, не совсем приличную просьбу, мужчина сделал шаг ко мне.

— *Ma petite*, — повторил он. — Почему ты прячешься? Я хочу только посмотреть на тебя.

Он мог нажаловаться Жюли. Мог обвинить меня в грубости. Осторожно выйдя из-за двери под тихое похрапывание Розины, спавшей на узкой постели у меня за

¹ Малышка (*фр.*).

спиной, я робко улыбнулась ему, сделала маленький реверанс и одернула мятую сорочку, пытаясь прикрыть узловатые коленки.

Усы зашевелились, когда он улыбнулся, обнажив пожелтевшие зубы.

— О да. Очень мила. *Très belle*, как и твоя мама. Дитя, подойди ближе. Дай старику Морни поцеловать тебя.

Я вновь замерла. Сначала он сказал, что хочет посмотреть на меня, а теперь собрался поцеловать? Старик протянул ко мне руку, узловатую, крапчатую, как у сказочного тролля, и я оттолкнула ее, прежде чем он успел прикоснуться ко мне. Морни отпрянул, его глаза засверкали.

— Да ты знаешь, кто я? — пророкотал он, и я услышала, как за спиной у меня завозилась Розина и, ахнув, вскочила с постели, сбросив одеяло.

Я сердито уставилась на кавалера и ответила:

— Да. Вы особенный друг Жюли. Идите и целуйте ее.

Тетушка бросилась ко мне, взяла меня за плечи и сбивчиво проговорила:

— Месье, пожалуйста, простите ее. Она всего лишь дитя и...

— Дитя? — Он хмуро поглядел на свою руку, на которой, естественно, не осталось никаких видимых следов. — Она бродячая кошка. Жюли нужно что-то сделать с ее коготками.

Наступила пугающая тишина. Потом с противоположного конца увешанного картинами коридора донесся игривый голос моей матери:

— Мой дорогой Морни, я это сделаю. Прошу вас, примите мои извинения за ее непростительное поведение.

Облаченная в узорчатый голубой китайский шелк, с развевающимися ореолом вокруг головы волосами, Жюли выплыла из спальни и повела к двери своего поклонника, что-то нашептывая ему и поглаживая его по плечу, а тот качал головой и удалился в крайнем раздражении.

Как только за ним закрылась дверь, мать резко обернулась ко мне. Я прижалась к Розине, которая, запинаясь, проговорила:

— Ты не должна винить Сару. Месье герцог вел себя непозволительно. Он хотел поцеловать ее, а она — посмотри на нее — в сорочке. Это не дело.

— Не дело? — эхом отозвалась Жюли; я никогда не видела ее такой; она вся напряглась и схватилась одной рукой изумительной молочной белизны за полу халата, удушая вышитых на нем аистов. — Она оскорбила его. Он может меня бросить, сказать остальным. Как мы тогда будем существовать, а? Как мы выживем, когда они узнают, что я держу эту дикую тварь, это *неудобство* в своем доме?

Тварь. Она считает меня животным. В порыве гнева я вырвалась из рук тети и заявила:

— Если я вам не нужна, тогда я убью себя. И больше никаких неудобств не будет!

Розина вскрикнула, а Жюли остановила на мне взгляд. В голубых глазах матери читалось безразличие, и оно резануло меня, будто лезвием бритвы прошлись по спине. Ей было все равно. Она не любила меня. Никогда. Я могла умереть, и это ничего для нее не значило.

Перед глазами все закружилось. Я бросилась в салон. Розина догнала меня, схватила за талию, а я отбивалась, опрокинула маленький столик с фарфоровыми фигурками и вазой цветов. Мать вопила, как дикий зверь. Я метнулась к окну и вцепилась в задвижку с намерением выброситься на вымощенную булыжником улицу. В голове пронеслось видение: тело в ночной рубашке летит вниз и приземляется, обдавая брызгами все вокруг, на глазах у слуг и кучеров, которые уже идут и едут по своим утренним делам.

Вдруг хаос прорезал отчетливый голос Жюли:

— Сара Генриетта Бернар, хватит!

Пойманная Розиной, я продолжала цепляться за подоконник и следила за приближением матери. Та прошла через занавешенную арку, ступила на ковер в восточном стиле и остановилась посреди салона, потерявшись на фоне показной роскоши, фальшивых римских бюстов, перегруженных деталями живописных пейзажей, набитых конским волосом диванов и канапе с дорогой обивкой, заваленных подушками, в том числе с ароматическими травами и кружевными шальями. Такая маленькая. Она была не больше меня. Как я могла настолько сильно бояться ее?

Но в тот момент она, казалось, доминировала над всем моим миром, халат ее распахнулся, и выступил круглый живот под ночной сорочкой. Увидев, что я уставилась на это неожиданное зрелище — мать выглядела толстой, но только в этом специфическом месте, — Жюли сказала:

— Ты позоришь себя. Мало того, ты позоришь меня. Я больше не потерплю этих выходов.

Страх парализовал меня. Приют. Он всегда был тут как тут, сквозил за каждым замечанием, всплывал на поверхность всякий раз, стоило мне чем-нибудь не угодить ей. За спиной у меня раздался голос Розины:

— Жюли, она всего лишь ребенок. Как ей все это понять?

— О, думаю, она понимает гораздо больше, чем показывает, — ответила моя мать.

— Матап... — прошептала я; слово, которое я никогда не употребляла, выскочило из меня от отчаяния. — Простите меня. Обещаю, я больше так не буду.

Жюли фыркнула:

— Совершенно точно, нет. Иди в свою комнату, и чтобы не было слышно ни звука, пока тебя не позовут.

Я бочком прокралась мимо нее, переступая через осколки разбитой вазы. Когда я уходила в свою комнату, Розина начала вполголоса что-то говорить. Жюли оборвала ее:

Гортнер К. У.

Г 70 Великая актриса : Роман о Саре Бернар / К. У. Гортнер ; пер. с англ. Е. Бутенко. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 512 с. – (Великие женщины в истории). ISBN 978-5-389-17310-1

Великая Сара Бернар родилась в семье куртизанки, но образование получила в пансионе при монастыре. Вернувшись в Париж, девушка сталкивается с настоятельными уговорами матери заняться семейным ремеслом — стать куртизанкой. Чтобы избежать этой участи, Сара пытается сделать карьеру на сцене «Комеди Франсез», но ее необычный для своего времени стиль игры приводит к скандальному увольнению. Лишившись работы, девятнадцатилетняя Сара вынуждена подчиниться воле матери. Однако все внезапно меняется, когда Сара обнаруживает, что беременна. Она решает оставить ребенка и оказывается без гроша в кармане. После безуспешных поисков работы Сара неожиданно получает приглашение в театр «Одеон», где завоевывает сердца зрителей своей игрой в новаторских постановках.

Последующее возвращение в «Комеди Франсез» открывает новую страницу в жизни Сары Бернар. Устаревшие нормы актерской игры, принятые в этом театре, заставляют ее активно искать собственный независимый путь. И наперекор всему она становится известной актрисой, получившей признание не только во Франции, но и во всем мире.

Роман «Великая актриса» — захватывающий рассказ о женщине, чей непревзойденный талант и бунтарский дух вписали ее в историю театра как Божественную Сару.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44